
М. ЦЕТЛИН. «Пятеро и другие». Изд. Нового Журнала, 2-ое издание. Нью-Йорк.

Книга М. Цетлин «Пятеро» вышла несколько лет тому назад. Первое издание было быстро распродано и теперь она вышла вторым изданием. Это очень хорошо, потому что помимо своей литературной ценности, это одна из немногих по настоящему хороших книг, написанных о русской музыке.

Образы пяти композиторов, составивших так называемую «могучую кучку» — Балакирева, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова и Ц. Кюи — предстают перед читателем с предельной четкостью и характерностью. Но М. Цетлин расширяет свою задачу. Его книга — это картина всей русской музыки 19-го века в связи с ее культурным окружением.

В книге этой все строго исторически обосновано на основании источников этой эпохи — переписки, дневников, мемуаров. Но эта историческая точность не ведет к сухости. Наоборот. Произведение М. Цетлина полно душевной теплоты. Оно читается с увлечением. Оставаясь во внешнем в границах исторических данных, он психологически проникает в духовный мир творцов русской музыки. Его почти влюбленное отношение к ним приближает их к нам. Мы живем их жизнью, идеалами, стремлениями, читая эту книгу.

Писать о музыке вообще очень трудно. Тут легко впасть или в сухой профессиональный разбор, сыпать музыкальными терминами, исследовать форму и приемы творчества и все-таки не передать чего-то самого основного и существенного. Другая крайность — диллетантизм. Это общие поэтические фразы не имеющие ничего общего с му-

зыкой, особенно непереносимая для настоящих профессиональных музыкантов. М. Цетлин в своей книге счастливо избежал и той и другой крайности. Не будучи профессиональным музыкантом, он как человек чуткий к искусству, пишет о музыке с настоящим проникновением в ее сущность, с исключительным пониманием того как можно и нужно писать о музыке. Все это делает его книгу одним из лучших источников изучения русской музыки этой эпохи.

Но помимо этого эта книга увлекательна своей динамичностью. Она и для музыкантов и для широкой публики. Грандиозная картина культурной жизни России 19-го века, изображенная большим художником и глубоко осведомленным человеком. Эта книга одна из наиболее ценных русских книг, написанных в эмиграции.

В. П.

NOTA BENE

Известно, что André Gide после поражения Франции в 1940-м году весьма скептически относился к созданию Резистанса. Он полагал, что неизбежные жертвы в рядах молодежи и без того обезкровленной Франции слишком дорого стоят сомнительных попыток освобождения.

Однако, уже в 1941 г. Gide, под влиянием некоторых своих друзей, медленно и нерешительно начинает пересматривать свое отношение к борьбе с немецким оккупантом. В своей посмертной книге, вышедшей в прошлом году, "Ainsi soit-il", он пишет: «Вскоре после того, как я поселился в Кабри, ко мне явился человек, который несколько укрепил мою слабую надежду на такую борьбу и, таким образом, ярко осветил мои горизонты. Этот человек был — Борис Вильде (Дикой), который поселился в комнате на шестом этаже, надо мной. Я

уже не помню, какой такой счастливый случай свел меня с ним. Ввиду того, что он нуждался в службе, я его горячо рекомендовал Paul Rivet, директору «Музея Человека» у Трокадеро. Rivet тотчас же оценил его. Вильде редко показывался, держал себя удивительно скромно, сдержанно, и ничто в нем не предвещало той героической роли, какую он сыграл в Резистансе. Между тем, во время его визита (в Кабри) у нас была с ним одна беседа ночью, показавшаяся мне чрезвычайно важной, и я, не задумываясь, свел его с Pierre Vienot, который спал или старался спать (у него был острый неврит) в соседней со мной комнате, у госпожи Mauryisch, его тещи, у которой мы, я и Jean Schlumberger, гостили. Познакомив их, Vienot с Вильде, и не желая их стеснять, я удалился. Их разговор продолжался до утра.

Вильде незадолго до того женился. Вскоре после нашей встречи в Кабри, он был предан и расстрелян в Saint Etienne. Я глубоко чту память этого героя. Те, кто его знал, будут всегда помнить эту жертву Резистанса.

Борису Вильде было около 30-ти лет, когда он погиб; он вырос в Эстонии, но оставался человеком русской культуры; поэт, он принимал участие в парижских русских кружках, бывал на Монпарнассе.

Не удивительно ли, что этот «русский мальчик», очутившийся, в сущности, случайно за границей, влияет на André Gide и воодушевляет его на дело освобождения Франции? А ведь Gide был много десятков лет настоящим властителем дум европейской молодежи. И будущим биографам André Gide'a не обойтись, думается, без упомянутой «ночной беседы» знаменитого писателя с русским молодым человеком.

В другом месте, в Дневнике от 28 августа 1941 года, А. Gide записал:

«Со вчерашнего дня я в Грассе. Вечером в день приезда я отправился к Бунину. Этот визит меня несколько разочаровал, потому что, несмотря на наши взаимные дружеские намерения, мы не могли установить настоящий контакт. Каждый из нас слишком мало придает значения тому, что другому дорого. Меня смущает его культ Толстого не меньше его презрения к Достоевскому, к Щедрину, к Сологубу. В самом деле, у нас нет общих святых, общих богов. Несмотря на это, во всё время разговора он был очарователен. Его красивое лицо, в морщинах и складках, оставалось благородным, а взгляд пронзительным...»

Большой, крайней противоположности, André Gide — Бунин, представить себе трудно; у обоих нет ничего общего, всё разное; это и без того ясно, нечего особенно настаивать. Кто хоть раз в жизни их читал, не может этого не знать. Но возможен ли, вообще, «французский Бунин», т. е. писатель громадного дарования, не терпящий ничего «умственного», для которого родной язык, окружающий мир и он сам согласованы и слиты в одно; в творчестве которого даны самые полные звуки родной речи, который буквально создал живой русский ландшафт, но не дал ни единой «умственной думы», ни какой-либо идеологии, ни «шлегелей», шутливо названных Пушкиным по имени немецкого любомудра?

Нет, у французов, кажется, таких писателей никогда не было: не та почва. И поэтому А. Gide явно не понимает бунинского культа Толстого; в последнем он видит бунтаря, ригориста, однодума и сомневается в его правдивости, а для Бунина Толстой есть высшее осуще-

ствление творческого гения на земле, и он ему поклоняется суеверно, как явлению почти непостижимому разумом.

«Ежели варвары, одержав победу, распространят свое рабство и разорение до Атлантического океана, тогда десять тысяч судов должны будут перевести просвещенное общество в надежное место, и Европа возродилась бы и цвела в Америке, которая уже теперь заселяется ее колониями и учреждениями. (Примечание: в Америке живут сейчас шесть миллионов европейцев; это число, по крайней мере на севере, непрерывно растет. Каковы бы ни были перемены в

их политическом положении, европейцы должны будут сохранить свой образ жизни; и мы не скроем нашей радости, что английский язык будет, по всей вероятности, распространен на этом огромном континенте)».

Так писал в 1785/87 годах Edward Gibbon в своей знаменитой истории «Упадка и падения Римской Империи» (38 глава, том 2-ой).

Gibbon полагал, что гибель или жизнь Западной Европы зависит от поведения России, охранявшей ее с Востока от монголов. Тревога гениального историка 175 лет тому назад стала содержанием нашей душевной жизни каждого дня.

Эрге.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЕ ДЛЯ ОТЗЫВА

- А. Ремизов. Бесноватые Савва Грудцын и Соломония. Оплешник. Париж, 1951.
А. Ремизов. Мелюзина и Брунцвик. Оплешник. Париж, 1952.
А. Ремизов. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Оплешник, 1950.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА

- М. А. Алданов. Живи как хочешь. Т. 1 и Т. 2. Нью Йорк. 1952 (381 стр. и 309 стр.).
А. А. Боголепов. Русская лирика. От Жуковского до Бунина. Нью Йорк. 1952. (409 стр.).
Б. Пантелеймонов. Последняя книга. Рассказы. Нью Йорк. 1952. (236 стр.).
Н. Теффи. Земная радуга. Сборник рассказов из жизни русской эмиграции. Нью Йорк. 1952. (285 стр.).
В. С. Яновский. Портативное бессмертие. Роман. Нью Йорк. 1953. (270 стр.).